

КУБАНСКАЯ ОХОТА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ (1888–1909 гг.)

Феномен так называемой Кубанской охоты, проходившей в горах Северо-Западного Кавказа с 1888 по 1909 гг., до сих пор остается малоисследованным. Во многом это обусловлено тем, что лишь малая часть источников была известна и использовалась научными сотрудниками Кавказского заповедника и некоторыми энтузиастами-краеведами в рамках их исследовательской работы. Публикации современников¹ Кубанской охоты, освещавших ее историческое развитие, не были широко распространены в кругу местных историков, краеведов и географов, несмотря на то, что содержали в себе много ценного фактического материала по исторической географии региона в целом. В нашей статье мы попытаемся восполнить этот пробел, а также попробуем выявить исторические параллели между Кубанской охотой и созданным позднее на ее основе Кавказским заповедником, сама идея организации которого вышла из философии Кубанской охоты, которая выражалась, прежде всего, в стремлении *сберечь диких зубров*, сохранившихся до того времени на этом участке Северо-Западного Кавказа, а также *в устройстве правильной охоты* на этих землях.

І. У ИСТОКОВ КУБАНСКОЙ ОХОТЫ

После окончания в 1864 г. Кавказской войны и выселения горских племен в Турцию пространство между реками Большая Лаба и Белая в нагорной своей части превратилось в совершенно безлюдный район, в который летом заходили со своими стадами лишь пастухи-горцы, в остальное время года живущие на предгорных равнинах северного склона Главного хребта и прибрежной полосе Черноморья. Лесом заросли аулы, разбросанные по труднодоступным долинам горных рек, одичали фруктовые сады. Новые поселенцы стремились занять равнинные участки предгорий, не углубляясь далеко в горы, вследствие чего вся территория между Передовым и Главным хребтами, ограниченная реками Белая и Большая Лаба, являла собой, пожалуй, самый дикий уголок на всем Кавказе.

В условиях полного безлюдья в этих местах начал множиться зверь. Постепенно слухи об этом таинственном охотничьем царстве стали проникать в Тифлис, который в те времена был культурным и политическим центром всего Кавказского края. В Тифлисе находилась резиденция Наместника Кавказа, что и являлось определяющим фактором в развитии города. С 1862 г. по 1881 г. должность наместника занимал Великий Князь Михаил Николаевич Романов, сын Николая I и брат Александра II. Знаменит Михаил Николаевич был тем, что в мае 1864 г. провозгласил окончание Кавказской войны в горном урочище

¹ Основными источниками по истории Кубанской охоты служат, в первую очередь, воспоминания очевидцев и участников Кубанских охот. К наиболее ценным источникам по данному вопросу следует отнести воспоминания и записки В.А. Шильдера, печатавшиеся в журнале «Природа и охота» с 1895 по 1902 гг. Не менее ценным источником по истории Кубанской охоты являются воспоминания егермейстера М.В. Андреевского, стоявшего у истоков самой охоты и принимавшего непосредственное участие в первой охоте, а также в охоте 1902 г. Интересные воспоминания оставлены Е.П. Демидовым, принимавшим участие в ряде Кубанских охот, а также Н.Я. Динником, неоднократно посещавшим район Кубанской охоты в качестве исследователя-натуралиста.

Кбааде¹. В последующие годы, занимая высокий пост Наместника Кавказа, он всячески содействовал освоению региона, а особенно Черноморского побережья Кавказа.

У Михаила Николаевича было шесть сыновей — Николай, Михаил, Георгий, Александр, Сергей и Алексей. Все они получили превосходное образование, много путешествовали по миру и постоянно находились в обществе видных деятелей науки того времени. Ко всему прочему, сыновей Михаила Николаевича объединяла одна общая страсть — охота. С юных лет они подолгу жили в боржомском имении Великого Князя Михаила Николаевича, окрестности которого считались весьма богатыми на дичь и удобными для совершения охотничьих вылазок в любое время года. Охоте предавалась вся без исключения мужская половина семейства Великого Князя.

Управление охотами было возложено на опытных и профессиональных охотников и стрелков, специально вызванных для этих целей из Богемии. Должность управляющего Кавказскими охотами, а по совместительству и управляющего Караязским² имением Великого князя Михаила Николаевича исполнял Франц Иосифович Краткий, чех на русской службе, опытный охотник и превосходный стрелок. Именно Ф.И. Краткому суждено было, наряду с М.В. Андреевским, егермейстером императорского двора, действительным статским советником, сыграть одну из ключевых ролей в деле создания Кубанской охоты. Попробуем восстановить хронологию событий, предшествовавших организации Охоты.

В 1886 г. М.В. Андреевский принимал участие в охоте в Караязах. Вместе с ним в охоте участвовали сам Великий Князь Михаил Николаевич, Главноначальствующий³ на Кавказе князь А.М. Дондуков-Корсаков и Великие Князья Петр Николаевич и Георгий Михайлович. Во время этой охоты помощник главноначальствующего на Кавказе, начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-адъютант С.А. Шереметев поведал Их Высочествам о замечательных охотничьих угодьях в верховьях Малой Лябы, известных ему не по одним рассказам, так как он лично там охотился в 1870-е гг. Охотились здесь и офицеры частей, расположенных поблизости (Андреевский, 1909). Кроме того, в разговоре был упомянут и знаменитый английский охотник сэръ Джордж Литлдейл, которому С.А. Шереметев лично выписывал разрешение на охоту в здешних местах и который, по слухам, вывез оттуда целые мешки рогов серн и туров и крупные рога оленей. Уникальность этого уголка Северо-Западного Кавказа заключалась еще и в том, что это было единственное место в мире, где водились еще на свободе дикие зубры.

¹ Современный поселок Красная Поляна Адлерского района города Сочи.

² Великокняжеская охота в Караязах располагалась близ станции Караязы в 60 км к юго-востоку от Тифлиса, в Тифлисской губернии (ныне территория Азербайджана). Основные охотничьи угодья — пойменные леса вдоль р. Куры и на островах, образованных её рукавами. В середине угодий был выстроен охотничий домик, вокруг которого разбивали шатры. Современники писали о Караязах, как о «прелестном, красивом и диком лесе, наполненном кабанами, оленями, дикими кошками и шакалами». Пойменная растительность в караязском лесу была очень густая, колючие кустарники перевивались лианами. В конце XIX в. в пойме р. Куры оставалось много вековых дубов. Основной объект охоты в Караязах — это кабан. Охота производилась с облавой или гаем. За два дня охоты в Караязах обыкновенно добывали более полусотни кабанов. В октябре 1886 года Андреевский организовал в Караязах охоту на джейрана для Великого Князя Петра Николаевича. В охоте участвовало до 300 человек загонщиков, загонный круг был в 25 вёрст по окружности.

³ Согласно новому закону в 1883 г. должность «Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе» была введена вместо должности «Наместника на Кавказе».

Услышав о таком охотничьем Эльдорадо, М.В. Андреевский начал убеждать Их Высочества устроить охоту в верховьях Малой Лабы. Сам он вспоминал впоследствии, что «заинтересовавшись рассказами по эту местность, мы решили заарендовать ее для охоты у Министра государственных имуществ, которому эти земли принадлежат, дабы сбереечь там зубров и устроить правильную охоту» (Андреевский, 1909).

Великие Князья Петр Николаевич и Георгий Михайлович, вдохновленные невероятными слухами, поручили Ф.И. Краткому совершить ряд путешествий в горы Кубанской области и Черноморской губернии. В 1886 г., в соответствии с распоряжением Великих Князей, он проехал через Черноморию в обе стороны от Адлера к Сухуму и к Новороссийску, побывал в побережном Вардане и в горах в районе Красной Поляны, под перевалом Псеашха на Главном хребте; в том же году он ознакомился с окрестностями Ахалциха и Ардагана и, наконец, в июне и июле следующего, 1887 года, исследовал Главный Кавказский хребет от верховьев р. Большой Лабы до р. Белой, побывав на Закане, Умпыре, Уруштене, Мастакане и Бамбаках. Обилие дичи в этих местах поразило Ф.И. Краткого. В своих записках он восхищенно отмечал, что «на Кубани можно найти все. Там есть перепела, там есть и курочки; кавказский тетерев там водится в большом количестве. И дикая индейка живет в скалах кубанской охоты (на главном хребте вообще) во множестве. Нам стоит подняться 7000 фут. над уровнем моря, и мы ее найдем везде, она верный спутник туров. Зайца встретим внизу в изобилии, а красный козел господствует в низменных лиственных лесах. Кабанья охота, благодаря удобным и глухим местам и множеству диких и одичалых фруктовых деревьев, там прекрасная. Олени ходят стадами, и серн мы там встретим до 150 шт. вместе. В самых неприступных и диких скалах гуляют смельчаки-туры. Из хищников попадают пантера, и гиена, а про медведей, волков и лисиц и рысей и упоминать не стоит — они везде» (Краткий, 1894). Но всю исключительность здешней фауны придавал, конечно, кавказский зубр, чья малочисленная популяция сохранилась на тот момент лишь на северном склоне Северо-Западного Кавказа, в междуречье Белой и Большой Лабы. Ф.И. Краткий писал по этому поводу, что «в смысле охотничьего спорта Кубанская охота есть лучшая на Кавказе, и по количеству охотничьей фауны и разнообразности дичи можно ее считать лучшей в мире. В некотором смысле и Дагестан не выдержит сравнения с Кубанью — ведь в Дагестане зубра нет¹» (Краткий, 1894).

После доклада Ф.И. Краткого о результатах экспедиции Великие Князья решили незамедлительно заняться устройством охоты в горах Кубанской области. Для получения исключительного права на охоту в верховьях Малой Лабы Великим князьям необходимо было в первую очередь получить в аренду описанные Ф.И. Кратким горные районы. Организацию этого процесса поручили М.В. Андреевскому. Все в этом деле было ново и не имело прецедентов, а потому

¹ О существовании кавказских зубров научная общественность окончательно узнала только в первой половине XIX в. Их редкость и полная неизученность привлекали внимание многих исследователей в Европе и России. Некогда зубры занимали леса от Предкавказья до Северного Ирана. Во второй половине XIX в. популяция кавказских зубров насчитывала, по приблизительным оценкам, около 2000 особей, основными же местами обитания зубров явились верховья левых притоков р. Кубани от реки Белой до р. Большая Лаба. В 1880-х годах хозяйственное освоение проникло в лесные части гор и усилилось настолько, что число зубров стало заметно уменьшаться, и, по оценкам современников, их оставалось не более 500 особей. В тот период от полного истребления их фактически спасла организация Кубанской охоты с ее налаженной системой охраны охотничьих угодий.

возникали всевозможные вопросы и затруднения. Егермейстер писал доклад Министру государственных имуществ М.Н. Островскому, составлял в Лесном департаменте черновики докладов на имя императора. М.В. Андреевскому удалось, однако, преодолеть все препятствия, и в феврале 1888 г. с Высочайшего соизволения был заключен контракт с Министерством Государственных Имуществ на аренду 477 360 десятин в 7 лесных дачах — Хамышейской, Сахрайской, Тхачской, Малолабинской, Большелабинской, Андрюковской и Мезмайской, а также на получение исключительного права охоты на арендованных землях. В декабре 1889 г. император Александр III пожаловал Кубанскому казачьему войску ряд земель и лесных дач в нагорной полосе Кубанской области¹; в число пожалованных земель вошла почти половина территории, арендуемой для Кубанской охоты, в связи с чем пришлось еще заключить контракт и с Кубанским войсковым правлением, а арендная плата с этих пор стала делиться пополам между Кубанской войсковой казной и Министерством государственных имуществ. Наиболее подробное описание границ вновь образованной Кубанской охоты оставил Ф.И. Краткий:

«Чтобы знать, где происходила охота, интересующиеся могут взять в руки Кавказскую пятиверстную карту (Кубанскую область) и остановиться в станице Псебай. Приблизительно верст на 10 выше этой станицы, вверх по речке того же названия, надо завернуть на запад.

Переехав все истоки речек: Хуз-Бугунч, Ходз-Зишхо, Межжупста и Гуртай, мы будем на горе Ачкохо. Оттуда путь направляется по горному хребту до р. Сахрай. Оставив гору Гук верстах в 8-ми вправо и переправившись по р. Белая, мы выедем на гору Гуам. Далее по тому же направлению, держась немного правее р. Мезмай, оставляя по левой руке весь так называемый «Темный лес», дорога приведет до р. Курджипс. Здесь приходится с час отдохнуть на горном хребте. Вот северная граница Кубанской охоты.

Повернув здесь почти под прямым углом по направлению к главному Кавказскому хребту через горы Оштен и Фишт, мы будем на главном хребте, на горе Маврикошха. Вот западная граница этой охоты. Южную границу ее образует главный Кавказский хребет на протяжении приблизительно 130-ти верст, т. е. далее истока речки Дзичеки² верст на 18. Тут мы остановились на юго-восточной границе Кубанской охоты. Повернув на север и проехав верст 90, мы будем верстах в пяти от левого берега р. Андрюк. Тут остается проехать еще верст 18 и переправиться через М. Лабу, и мы будем опять на р. Псебай, откуда первоначально вышли» (Краткий, 1894).

Таким образом, территория Кубанской охоты занимала, по сути, за небольшими исключениями, именно те земли, которые позднее послужили территориальной основой будущего Кавказского заповедника. Они выступили своеобразным ландшафтным ядром, к которому со временем оставалось добавить лишь ряд территорий (в частности, земли по Южному склону Главного Водораздельного хребта), необходимых для успешного и полноценного функционирования такой сложной экосистемы как Кавказский заповедник.

¹ Среди отведенных земель значились Белореченская и Махошевская казенные лесные дачи, а также нагорная полоса, лежавшая на северном склоне Главного Кавказского хребта, вдоль границы Черноморского округа, и ограниченная с севера землями Кубанского казачьего войска и Даховской казенной лесной дачей, а с востока — верховьями р. Малая Лаба.

² Современная река Санчаро, левый приток р. Большая Лаба.

В нашей статье мы постараемся проиллюстрировать ход событий, восстановить хронологию и передать неповторимый дух времени на примере самой первой Кубанской охоты, состоявшейся в 1888 г.

II. КУБАНСКАЯ ОХОТА В 1888 г.

В 1888 г. решено было устроить и первую охоту на новых местах. Управляющим Кубанской охотой с момента ее организации был назначен Максимилиан Францевич Носко, чех по происхождению, выписанный из Богемии, офицер австрийской службы в запасе. Управление и контора охоты расположились в станице Псебайской Майкопского отдела Кубанской области.

Итак, в середине августа 1888 г. Великие Князья Петр Николаевич и Георгий Михайлович в сопровождении гвардейского офицера М.В. Андреевского и личных камердинеров покинули Санкт-Петербург и направились на юг, в горы, на первую Кубанскую охоту, которая проходила с 14 по 31 августа 1888 г.

Поездом Великие Князья добрались до станции Армавир Владикавказской железной дороги. Отсюда они на лошадях преодолели еще около 120 верст до станицы Псебайской, где был назначен основной сбор перед выездом экспедиции в горы.

Кубанская охота в 1888 г. Группа охотников. В среднем ряду сидят Великий Князь Петр Николаевич (слева) и Великий Князь Григорий Михайлович (справа).
Фотография М.В. Андреевского. Август, 1888 г.

Кроме Великих Князей и М.В. Андреевского в этой охоте приняли участие казачий полковник Иван Львович Венеровский и начальник Черноморского округа Григорий Иванович Соколов, присоединившиеся к князьям еще в Арма-

вире, а также начальник Сочинского отдела Черноморского округа полковник Михаил Александрович Краевский, который присоединился к отряду уже в горах. Свита высоких охотников состояла из личных камердинеров Великих Князей, черкесских проводников, егерей под руководством М.Ф. Носко, а также из 125 казаков на лошадях, всего же было задействовано в охоте около 150 человек и 160 лошадей. В целом, все последующие охоты проходили примерно по одной и той же схеме, за исключением смещения сроков охоты на сентябрь и изменения количества обслуживающего персонала в меньшую сторону. Основной же отряд охоты, состоявший из лиц знатного происхождения и их гостей, всегда был невелик и в разные годы колебался от 6 до 8 человек.

Таблица 1

Список охотников, принимавших участие в Кубанской охоте в 1888–1902 гг.

1888 г.	Великий Князь Петр Николаевич Романов, Великий Князь Георгий Михайлович Романов, егермейстер М.В. Андреевский, начальник Черноморского отдела Г.И. Соколов, начальник Сочинского отдела М.А. Краевский, подполковник И.Л. Венеровский, управляющий охотой М.Ф. Носко
1893 г.	Великий Князь Сергей Михайлович Романов, граф Д.С. Шереметев, князь К.А. Барятинский, лесной ревизор К.Т. Улагай, подполковник И.Л. Венеровский, управляющий охотой М.Ф. Носко, атаман станицы Андриюковской В.В. Павлов, доктор М.А. Каландаришвили
1894 г.	Великий Князь Сергей Михайлович Романов, управляющий охотой Ф.И. Краткий, граф А.В. Гудович, атаман А.А. Павлов, доктор М.А. Каландаришвили, капитан В.А. Шильдер, лесной ревизор К.Т. Улагай
1895 г.	Великий Князь Сергей Михайлович Романов, граф Д.С. Шереметев, князь Е.П. Демидов, доктор М.А. Каландаришвили, капитан В.А. Шильдер, лесной ревизор К.Т. Улагай, подполковник Л.А. Богуславский
1897 г.	Великий Князь Сергей Михайлович Романов, полковник Н.А. Лутцау, штабс-ротмистр граф П.М. Стенбок, корнет Д.А. Безобразов, доктор Рейер из Дрездена, управляющий охотой Э.К. Ютнер, лесной ревизор К.Т. Улагай, доктор М.А. Каландаришвили
1898 г.	Великий Князь Сергей Михайлович Романов, князь Е.П. Демидов, поручик А.Н. Демидов, полковник В.А. Шильдер, полковник Н.А. Лутцау, доктор М.А. Каландаришвили, лесной ревизор К.Т. Улагай
1900 г.	Великий Князь Сергей Михайлович Романов, егермейстер М.В. Андреевский, полковник В.А. Шильдер, принц П.А. Ольденбургский, лесной ревизор К.Т. Улагай, доктор М.А. Каландаришвили, управляющий охотой Э.К. Ютнер
1902 г.	Великий Князь Сергей Михайлович Романов, егермейстер М.В. Андреевский, граф Кинский, граф И.И. Воронцов-Дашков, лесной ревизор К.Т. Улагай, доктор М.А. Каландаришвили, управляющий охотой Э.К. Ютнер

М.В. Андреевский принимал самое деятельное участие в сложных приготовлениях к этой охоте, на которой он, по сути, выступил главным распорядителем. Позднее он вспоминал, что хлопот была масса, так как Великий Князь Георгий Михайлович положился на урядника казака Наумова, которого он послал вперед, а тот заготовил провианта всего на 2 дня и вообще не сумел толково распорядиться. М.В. Андреевский писал: «Узнав, что послан Наумов, я, не доверяя его распорядительности, еще дорогой стал заготавливать кое-что, так в Ростове-

на-Дону я закупил 100 саженьей веревок, чемодан, сапоги, взял вина. В Армавире уже стало известно, что нет вьючных седел и что вообще ничего не заготовлено. Отсюда я забрал десятка 2 войлоков, еще вина, кореньев, разных продуктов. Все это весьма пригодилось при нашем форсированном марше в горах, и все были мне благодарны, так как благодаря веревкам и войлокам тяжелые вьюки не побивали коней, вьюченных на казачьи седла» (Андреевский, 1909). По окончании охоты старания императорского егермейстера были отмечены по заслугам — в честь М.В. Андреевского получил свое имя Андреевский гай, расположенный в районе нынешнего Бамбакского массива (2785,2 м) и хребта Солонцового. Кроме того, М.В. Андреевским сделаны превосходные фотографии горных видов по всему пути от Псебая до Красной Поляны, а также многих сцен бивачной жизни охотничьего отряда. Любовь к творчеству стоила М.В. Андреевскому немалых усилий: фотографируя пейзажи, он постоянно оказывался в роли догоняющего, немало хлопот доставлял и объем фотографического багажа — из-за большого обоза с фотографией и вещами и М.В. Андреевского было 2 вьючные лошади и 2 казака вместо одной лошади и одного казака, приставленных к остальным охотникам. Кроме того, к М.В. Андреевскому был приставлен урядник станицы Чамлыкской Матвей Клочков.

Отряд выдвинулся из Псебая ранним утром 14 августа 1888 г. Путь его лежал вверх по долине Малой Лабы, через участок так называемого Шахгиреевского ущелья¹, не доезжая нескольких верст до слияния Малой Лабы и Урутшена, отряд повернул вправо и начал подниматься по Капустиной балке на лесистый хребет Бугунжа, с которого перебрался на восточные склоны хребта Малый Бамбак.

Первый лагерь разбили уже в сумерках на обширном плато², возвышавшемся над слиянием Малой Лабы и Уруштена. Для проживания знатных охотников были установлены палатки в виде шатров, причем у М.В. Андреевского палатка была своя, она отличалась компактностью и не промокала. В одной из палаток находилась столовая, в которой знатные охотники обедали, сидя на бурках; в хорошую же погоду для трапез устанавливался складной стол, а скамейки

¹ В широком смысле под этим названием известен участок р. Малая Лаба, протянувшийся от современного кордона Умпыр до поселка Перевалка. Ущелье пропилено Малой Лабой в Передовом хребте, превышение ближайших вершин над дном ущелья достигает нескольких сотен метров. Название ущелья произведено от этнонима *Шегирей* (*Чегрей*) — одного из нескольких абазинских обществ, проживавших на северных склонах Главного Кавказского хребта.

Л.И. Лавров указывает, что «общество *Чегрей* впервые упоминаются в середине XVIII в. Жили они в долине М. Лабы, выше ст. Андриюковской. В 1834 г., в связи с принятием ими присяги на российское подданство, чегрей частично выселились на плоскость. ...Тогда, по словам Лисаневича, они составляли три селения, но более достоверные сведения говорят за то, что селений этих было четыре (Мухаммеда Кубатова, Эфенди Шаторова, Кульмурзиева и Цикисова или Цкишева, которые располагались по обоим берегам верховий М. Лабы. Но берега этой реки ... не были единственным местом чегрейских поселений. В 1861 г. существовало одно большое селение на р. Ходзь ... В 1862 г. — в районе Главного Кавказского хребта... далее — местности Нахуиха (*Нахв йхIа*)» (Лавров, 1955).

Ф.Ф. Торнау в 1839 г. отмечал, что общество Шегирей «лежит у подошвы хребта Кавказских гор, над крутым и обрывистым берегом Малой Лабы. Жители Шегирей дики и бедны; находясь в связи с медовеевцами, они много им помогают в неприязненных действиях против черкес, от хищничества которых сами много терпят. В 1835 году шегиреевцы добровольно изъявили покорность, потом отказались от повиновения и после набега, сделанного на них г. Зассом в 1837 году, покорились вновь. Шегиреевцы едва ли преданы Корану, хотя некоторые из дворян их и исполняют обряды, им предписанные. Дворянская фамилия Шюкюш, равно как и другие жители Шегирей, платят дань бесленеевским князьям Шалоховым и Кануковым. Жителей в Шегирее — 330 душ мужского полу» (Торнау, 1864).

² В данном случае речь идет о восточной оконечности хребта Малый Бамбак.

отлично устраивал из сучьев один из черкесов-проводников Гарун. Казаки же устроили себе шалаши, которым был не страшен дождь и ветер, так как поверх сучьев они клали бурки, и в шалашах было сухо и тепло.

Утром подъем был ранний. Все были поражены открывшимися видами рассветных гор. Многие казаки и высокие гости были в горах впервые, но даже искушенные путешественники не могли не поразиться красоте окрестных пейзажей: *«Стало всходить дивно солнце, — вспоминал М.В. Андреевский, — и осветило окрестность, которой не было видно нам вчера вечером. Перед нами с одной стороны высились огромный кряж скал, ровных в своих вершинах, как стол, а по другую сторону видна была скала Урустен с оригинальным камнем, отстоящим от скалы на некотором расстоянии, так что издали он походить на человека, стоящего у скалы¹. По древнему черкесскому преданию, это Антихрист, который отсюда-то и пойдет по всему свету. Скала эта высится над огромной котловиной, поросшей лесом и окаймленной с правой стороны Красными, кажется, базальтовыми скалами, весьма эффектно вырисовывающимся на зеленом фоне горных лугов»* (Андреевский, 1909).

В этот день отряд переместился в район перемычки, разделяющей верховья рек Шиши и Малой Мертвой балки. М.В. Андреевский упоминает это место под названием Малые Чертовы Ворота. По пути Великий Князь Георгий Михайлович с проводником-черкесом Паго Куденетовым² поднялся по склонам хребта Агиге, желая подобраться к сернам, и действительно, стрелял по ним, но безуспешно. В районе Красной скалы паслись огромные стада черкесского скота, баранов и лошадей, и князь купил у черкесского пастуха целое стадо баранов в 35 голов; на всем протяжении охоты их пас черкес возле охотничьих бивуаков.

Поскольку в этот день в горах была непогода и прошел сильный дождь, то тропы размокли, сильно осложнив передвижение отряда. М.В. Андреевский, говоря о трудности передвижения в здешних горах, отмечал, что *«здесь все тропы*

¹ Современная скала Часовой.

² Старый черкес Паго Куденетов служил проводником на нескольких Кубанских охотах. Он был одним из немногих оставшихся на родине представителей аборигенного черкесского населения Северо-Западного Кавказа. Паго участвовал в Кавказской войне и много рассказывал охотникам о своих подвигах в боях с русскими, в частности, об обороне черкесов под г. Джуга. По воспоминаниям участника Кубанской охоты Ф.И. Краткого, в Паговском гаю ему довелось увидеть разноформенные груды камней, несомненно, сложенные руками человека. Как объяснил ему его проводник, все тот же черкес Паго Куденетов, это были рукотворные баррикады отступавших от русских войск горцев (Краткий, 1894).

По словам М.В. Андреевского, Паго принадлежал к старейшей черкесской фамилии, и когда он садился на коня, то другие черкесы должны были держать стремя и придерживать коня, как доказательство своего почтения (Андреевский, 1909).

Е.П. Демидов, участвовавший в Кубанских охотах, также встречал Паго Куденетова, и сообщает о нем, что «в молодости это был могучий джигит, способный на поразительные подвиги. Лет тридцать назад он воевал с русскими». Спутники поведали Демидову занятный случай. Когда в 1893 г. Паго присоединился к охотничьей экспедиции Великого Князя Сергея Михайловича, среди участников был князь Барятинский, внук знаменитого князя Барятинского, командующего русскими войсками во время Кавказской войны. Однажды во время загона серн молодой Барятинский поинтересовался у Паго, который стоял рядом, сколько русских тот убил. «Не больше пятидесяти», — после некоторых раздумий ответил горец. «Ах! — воскликнул князь Барятинский. — А вы знаете, что князь Барятинский, командующий русской армией, был моим дедом?» Старик Паго быстро выпрямился во весь свой рост и инстинктивно схватился за кинжал. В ту минуту у него был такой страшный вид, что Барятинский не на шутку перепугался и пожалел, что его поставили рядом со старым черкесом (Demidov, 1898).

проложены верхами гор, а не долами, заросшими лесом и перерезанными быстрыми потоками, так езда здесь весьма затруднительна, тогда как за границей при горных охотах сообщение гораздо удобнее, так как ездят везде низом, а уже поверху ходят пешком» (Андреевский, 1909). Такая система путей сообщения сложилась еще во времена горских племен, проживавших в здешних горах до 1864 г. Об этом упоминал еще барон Ф.Ф. Торнау, побывавший здесь в 1835 г. и прошедший с северного на южный склон Главного хребта тем же путем, каким следовал охотничий отряд в 1888 г. В частности, Ф.Ф. Торнау приводит интересные сведения о путях сообщения, проходящих через ущелье Малой Лабы: *«Дорога через хребет Кавказских гор, от Шегирея к с. Ахчису и оттуда к берегу моря... хотя и с большими трудами и издержками, но может быть разработана и, раз проложенная, будет служить прочным и твердым сообщением. Вечные снега, кончившись на высоте Сагдан, на 6 месяцев в году оставляют перевал через хребет свободным, и в зимнее время на нем не может быть снежных завалов. Проходит дорога, поднимаясь по широкому ущелью Малой Лабы, суженному и каменистому, близ горы Диц и недалеко от впадения в Лабу р. Псизипс, по течению которой, поворотив, доходит широким ущельем, не требуя даже в настоящем виде никакой разработки, к верховью реки Мдзимты; от него — к истоку р. Зикуюй, где, обогнув каменистую гору, по лесистой покатости круто спускается в с. Ахчису, от которого по каменистому грунту узким ущельем над обрывистым берегом Мдзимты пролегает до долины Лиешь, не доходя которой версты на две, расширившись, снова делается удобною для повозок.*

Дабы миновать каменистые и тесные места по Лабе, около горы Диц, горцы проезжают от Шегирея хребтом до горы Ашишбог, от которой поворачивают снова к Лабе; здесь дорога хотя и представляет множество крутых подъемов и спусков, но менее камениста, не столько портит накованных лошадей, что служит главной причиною предпочтения ее. От Шегирея... до долины Лиешь не более 180 верст» (Торнау, 1864).

Таким образом, дорогой через ущелье Малой Лабы горцы пользовались неохотно, предпочитая более удобный путь на южный склон, пролегающий через современный хребет Малые Бамбаки, массив Ачешбок, Бамбакское нагорье и восточные склоны г. Джуга. Этим же путем следовал и охотничий отряд в 1888 г., хотя удобство такого пути непривычные к горам охотники и ставили под сомнение.

В третий день экспедиция переместилась в лагерь на Бамбаках. Из этого лагеря открывался прекрасный вид на горы Фишт и Оштен, была видна даже станица Даховская. Отряд провел несколько дней, совершая охотничьи вылазки в окрестные ущелья. Очередных серн пытались стрелять с подхода еще по пути к лагерю, однако и эта попытка оказалась неудачной. На следующий день во время одной из вылазок провели охоту на серн загоном. М.В. Андреевский и Великие Князья не без помощи опытных егерей добыли каждый по серне, всего же во время этого загона было убито 5 серн, более успешному результату помешал туман. В следующие дни было проведено еще несколько загонов на серн в разных гаях на склонах Бамбакского массива, однако все они были малорезультативными, лишь Великому Князю Петру Николаевичу удалось застрелить одну серну, а М.В. Андреевскому — двух, да был еще по ошибке застрелен оставший от стада баранты козел, принятый казаками за тура.

Постоянное сидение на одном месте, а главное — непрекращавшиеся несколько дней подряд дожди породили в отряде уныние. Все больше людей

подхватывало лихорадку, со временем их стало так много, что для них выделили одну большую палатку и периодически партиями отправляли домой. Хворали они, по мнению М.В. Андреевского, главным образом от того, что пили воду из ручьев, и оттого еще, что будучи собраны внезапно, не взяли с собой теплой одежды, необходимой в горах, в которых большинство молодежи было в первый раз. Из-за большого количества больных лихорадкой стали быстро иссякать запасы водки. *«Сала было вдоволь, соли тоже, — писал М.В. Андреевский в своих дневниках, — водки хотя было взято и довольно, но так как дожди шли ежедневно, то пришлось, дабы люди не болели, выдавать по 2 чарки водки вместо одной, так что она стала живо высыхать. Предвидя такой исход, я вовремя распорядился, чтобы из Псебая подвезли еще несколько ведер водки, хлеба, сала, соли, кое-какой еды, кахетинского вина, чая, сахара и т. п. всего взятого в слишком незначительном количестве и потому пришедшего уже к концу»* (Андреевский, 1909).

Некоторые участники отряда пытались оживить лагерь как могли. В один из вечеров егерь Щербаков позабавил всех, засев в кусты и отлично свистя по-соловьиному. Потом Великий Князь Георгий Михайлович призвал его к господам и попросил последних поддержать его за фалду сюртука. *«Как только я его взял за сюртук, — пишет Андреевский, — как он начал так визжать, как визжит поросенок, когда его поймают за ухо, и так отлично, что поднялся общий хохот всего лагеря. Потом пошли песни и общее веселье, оживившее всех, уже было повесивших нос от непогоды»* (Андреевский, 1909).

Сырой, покатый склон, на котором был устроен лагерь, а главное подъем из него на гору и спуск к нему, который охотники проделывали каждый день по два раза, надоел всем, и отряд с радостью снялся с него, наконец, чтобы перейти на бивуак на реке Чилипсы. Спуск к этой реке и подъем на другую ее сторону оказались ужасно круты и неудобны. Это были еще старинные военные тропы, разработанные русскими войсками во время Кавказской войны. С тех пор их никто не чинил, и они пришли в полную негодность. Исправить положение было невозможно ввиду отсутствия в отряде шанцевого инструмента. Было решено послать в Псебай за лопатами, топорами и кирками, а также за подковами и гвоздями, так как отряду предстояло еще долгое путешествие, и неизвестно, что еще могло ожидать его впереди. Во время перехода произошел занятный случай, красочно описанный М.В. Андреевским: *«Мы уже были наверху, как вдруг один из казаков вслух заявил: «Эх беда — ведь это там у них баклага с водкой сорвалась со вьюка, ишь как нарочно под гору, ишь как — а вот-то и расшиблась!» И действительно, что-то круглое несло под гору и разлеталось в дребезги, не докатившись до низа. А водки оставалось мало, только-только дотянуть по чарке в день до нового транспорта! Все в один голос стали тужить, бранить казаков, что худо вьючат, подавать советы, как это надо делать впредь. Видно было, что чарочка-то в походе — великое дело! Всем одинаково дорога! И какова же была радость, когда потом оказалось, что летел вниз камень, а что баклаги все целы! Только и слышно было: «Я ведь тебе говорил, что то не баклага, а камень летел!» — «А ты так видел, как даже водка брызнула, когда баклага разбилась, за версту-то! зорек! видно, пьяница горькой!» Общия хохот, там опять кто-либо догоняет рысцою переднего казака и радуется, что «баклага-то цела, это камень плоский сорвался из-под ног у коня». Словом, это событие, что баклага осталась цела, как-то весело настроило всех»* (Андреевский, 1909).

Челепсинский лагерь установили на продолговатом восточном отроге Джугского массива, на альпийских полянах (сейчас на этом месте располагается метеостанция «Джуга»). По общему мнению, новый лагерь оказался лучшим из всех как по своему местоположению, сухому и удобному, так и по красоте открывавшихся из него видов. От черкесских проводников стало известно, что в этом месте не так давно стоял лагерем знаменитый охотник, англичанин Джордж Литтлдейл.

Остаток дня охотники провели в отдыхе. Предполагалось, что охота в окрестностях Джуги продлится не один день. В это время к отряду присоединился и подполковник М.А. Краевский, которого Г.И. Соколов, будучи начальником Черноморского отдела, выписал из Сочи и который, сделав с побережья верхом около 125–150 верст по горам навстречу отряду, встретился с охотниками в челепсинском лагере.

На утро устроили облаву в лесу, в котором было множество звериных троп и удобных для загона мест. Однако загонщики выгнали лишь одного большого медведя пудов 8–9, которого ранил Г.И. Соколов, а добил казак. Вечером сделали другую облаву от реки Челепсы вниз. Великий Князь Петр Николаевич застрелил красивого большого оленя с рогами на 14 отростков. Г.И. Соколов же опять застрелил небольшую медведицу. Конные охотники вернулись в лагерь затемно, пешие же казаки вернулись спустя два часа после них. Для того, чтобы они не заблудились, М.В. Андреевский приказал развести костры возле лагеря, а сам трубил в трубу и приказал трубить сбор трубачу. Поскольку место охоты от лагеря было недалеко, все вернулись благополучно.

Утром была охота в скалах над рекой Челепсы. По дороге охотники обнаружили «чудное горное озеро, небольшое, но глубокое с идеально чистой водой». *Чтобы проверить глубину, люди кидали в озеро камни, и видно было, как они опускались на дно, в особенности если камень был беловатый и плоский. Охота же в этот день не удалась, так как серны, напуганные предшествовавшими охотами, бывшими с противоположной стороны этих же скал, уже заранее спасались из круга до того, как мы стали на номера. Все же Великий Князь Георгий Михайлович два раза выстрелил по одной, но не попал»¹.* (Андреевский, 1909).

Утром отряд снялся с лагеря и начал спускаться в долину р. Уруштен. Каждодневные дожди, неустойчивость охоты в новых местах и плохая предварительная организация, возложенная на нерасторопных казаков, заставили изменить первоначальные замыслы охотников. М.В. Андреевский, посоветовавшись с Г.И. Соколовым и И.Л. Венеровским, решил из лагеря на Челепсы двинуться не в урочище Умпыр, как предполагалось ранее, а перевалить через Главный хребет на Красную Поляну в Сочи, а оттуда на пароходе в Новороссийск. Дело в том, что в то время отсутствовала тропа от Умпыря к Черноречью, старая военная дорога обвалилась, заросла лесом и пришла в негодность, и егеря Кубанской охоты на Умпыр попадали по левому берегу Малой Лабы через массивы Маркопидж, Дженту и Магишо.

Через р. Уруштен отряду пришлось переправляться вброд. Переправа прошла благополучно, все вещи остались целыми и неподмоченными, так как вода была не высокой, несмотря на то, что каждый день, как по часам, в 2 часа дня начинался дождь и горы окутывал густой туман. Лагерь разбили на берегу реки, на сухой возвышенности, вокруг которой раскинулось настоящее болото,

¹ Современное Джугское озеро. Это озеро – глубочайшее озеро Кавказского заповедника. Его глубина достигает 35 метров.

образованное от массы ключей. В этот день сделанная облава по горам правого берега реки не удалась. Охотники ничего не видели, а облавщики вышли не верно. В следующие два дня результат был тот же. Причиной тому была плохая погода и браконьерская охота причерноморских черкесов. М.В. Андреевский отмечал в своих записках, что в долине Уруштена были дивные места: *«Всюду тропы зверя, зубровые следы и копёнки, словом, видно, что тут масса зверя, но что приехали мы не вовремя, да и раньше нас сюда приходили на охоту черкесы из-за перевала из Черноморского округа, которые тут поохотились и запаслись копченым мясом зверя. Их лагерь мы нашли на р. Урустен, верстах в 3 от нашего. По жердкам, обгорелым и закоптелым, можно было судить, что на них коптили хорошую добычу»* (Андреевский, 1909).

В эти дни охоты отпросился в горы за туром вахмистр казачий Беспрозванный. Он взял с собой товарища, и через день они действительно вернулись с большой головой прекрасного тура. Это был единственный трофей за три дня.

Неудача в охоте надоела всем. Казаки пытались развеселить высоких гостей своими играми и шутками. Те, в свою очередь, устроили им под вечер стрельбу на призы и бег на перегонки, в котором победителем неожиданно вышел М.В. Андреевский: несмотря на свои 39 лет, он обогнал всех. Были у простых охотников и другие развлечения в этот вечер. Так, М.В. Андреевский вспоминал, как казаки устроили кобылу из бурок: *«В ней два казака, на руках их верхом 3-й. Кобылу пришли продавать мне, а потом я перепродал ее Вел. Князьям, так что казаки заработали порядочно. Тут у них и «коваль» и «вертилинар». Кобыла свалилась и, несмотря на то, что ее и били и понукали, весьма правдоподобно околела. Все это, конечно, прекомично было устроено. Когда кобыла свалилась, к ней подошел «вертильнар», поднял ей хвост, нагнулся посмотрел и определил, что кобыла околела потому, что у нее «сихилитический дихтерит». Общий хохот и веселье, несмотря на то, что в горах запоздали вьюки, и казаки 3-й, а мы на 2-й день были без хлеба, на одних сухарях, да и водка вся вышла»* (Андреевский, 1909). Наутро, однако, вьюки подоспели: подвезли провиант, водку, подковы, гвозди и шанцевый инструмент, необходимый для дальнейшего путешествия через Главный Водораздельный хребет. Лагерь оживился, отряд быстро собрался и отправился в дальнейший путь.

Тропой, протянувшейся вдоль Уруштена, еще в 1864 г. прошли русские войска. Для скорейшего окончания Кавказской войны, весной 1864 года на северном склоне гор были сосредоточены три военных отряда, которым надлежало согласовать свои действия с действиями войск Кутаисского генерал-губернаторства, направляемых из Джигетии и Абхазии в земли общества Ахчипсоу в горном урочище Кбаада. Главной целью всех этих отрядов было окончательное усмирение горцев и окончание Кавказской войны.

Одним из этих отрядов был Мало-Лабинский отряд, которым командовал генерал-майор Н.П. Граббе. Войска отряда были сосредоточены первоначально в урочище Малый Рашташт¹ на левом берегу Малой Лабы. Отряд состоял из 12 батальонов и 2 сотен казаков, при одном взводе горных орудий. К концу апреля 1864 г. отряд был поделен на две колонны. Средняя колонна должна была

¹ В наши дни на месте этого урочища расположен кордон Третья Рота Кавказского заповедника.

проложить вьючную тропу от урочища Малый Раштаишт к перевалу Псеашха и, перейдя последний, соединиться с Ахчипсхувским отрядом, двигавшимся в урочище Ахчипсоу от морского берега вверх по реке Мзымте. Задача левой колонны заключалась в открытии вьючного сообщения через Умпыр и Загдан с перевалом из Большой Лабы на Бзыбь; после перехода этого перевала колонна должна была действовать в связке с Псхувским отрядом, предполагавшим наступать из Абхазии к горному обществу Псху.

Хотя глубокий снег, лежавший на перевалах через хребет, затруднял быстрое исполнение возложенных на войска задач, но, тем не менее, работы подвигались вперед. Лишь совершенная недоступность Больше-Лабинского перевала не только в апреле, но даже и в мае месяце вынудила отменить движение левой колонны на этот перевал. Большая часть войск обеих колонн отряда были обращены на скорейшую разработку вьючной тропы на перевал Псеашха и дороги от Малого Раштаишта к урочищу Умпыр.

В начале мая 1864 г. войска Мало-Лабинского отряда расположились лагерем на горе Ятыргварта; они разработали дорогу по Шахгиреевскому ущелью до реки Малый Раштаишт¹, а отсюда проложили вьючную дорогу вверх по реке Малой Лабе, на протяжении одной версты, и по горе Ятыргварта на перевал Псеашха — на 10 верст.

7 мая 1864 г. в главном лагере отряда для движения на южный склон Кавказского хребта сосредоточились 10 батальонов, 4 сотни казаков, 2 сотни милиции и взвод горных орудий, разделенные на две колонны: одна, из семи батальонов пехоты, сотни милиции, двух сотен казаков и взвода горных орудий, направлена налегке к реке Алоус для разработки вьючной дороги. Полковник Ильинич со второю колонной (3 батальона, сотня милиции и две сотни казаков), двигаясь по следам первой колонны, прикрывал выюки отряда.

Поднявшись к верховьям реки Алоус, отряд спустился вниз по ее течению едва заметной тропинкой, разрабатывая почти на каждом шагу дорогу, заваленную крупными деревьями. При переходе через небольшой хребет, разделяющий бассейны Алоуса и Уруштена, партия горцев, засев на одной из высот, через которую надлежало проходить войскам, сделала залп по шедшему в авангарде Апшеронскому стрелковому батальону. В ответ апшеронцы без выстрела, с криком «ура» бросились в штыки и отбросили горцев. После того неприятель еще некоторое время вел слабую перестрелку, а затем совершенно скрылся. В этой перестрелке с нашей стороны убиты проводник отряда (туземец) и два рядовых. Продолжая следовать далее, войска уже в сумерках остановились на позиции при реке *Малых-Адзы (Мамыр-Адзы)*², пройдя с утра 10 верст.

10 мая 1864 г. войска, двигаясь в том же порядке, подошли к реке Уруштен. Но значительная глубина реки и сильное течение, образовавшееся вследствие шедшего целые сутки дождя, замедлили переправу, и отряд только к вечеру успел переправиться на левый берег, где и расположился на ночлег. К утру следующего дня устроили мост на козлах через реку Уруштен. Оставив батальон Владикавказского полка на поляне *Ачи-Капарты*³, для устройства поста, охраны моста и разработки дороги назад к реке *Малых-Адзы (Мамыр-Адзы)*, генерал Н.П. Граббе с остальными войсками продолжал движение вверх по

¹ Современная река Затишье, левый приток р. Малая Лаба.

² Современная река Ходжибий, правый приток р. Уруштен.

³ Современное урочище «лагерь Уруштен».

реке Уруштен, в следующем порядке: колонна полковника С.И. Нолькена, в составе Апшеронского, Ширванского и сводно-стрелкового батальонов, одной сотни казаков и милиции при взводе орудий, шла впереди, разрабатывая дорогу; по её следам двигалась колонна полковника Ильинича (2 батальона и сотня казаков) и прикрывала вьюки отряда. Достигнув верховий Уруштена, отряд расположился на ночлег при слиянии основного истока Уруштена (Большой Псизипс) и р. Холодной (Малый Псизипс), где был временно назначен склад провианта. 12 мая 1864 г. на позиции Псизипса остался один батальон для устройства Псизипсинского поста¹, а остальные войска, двумя колоннами, двинулись к перевалу Псеашха. Авангардная колонна, под начальством полковника Нолькена (Апшеронский, Ширванский и сводно-стрелковый батальоны, при взводе орудий, с милицией и двумя сотнями казаков), получила назначение проложить дорогу через снежный перевал, к спуску на южный склон; колонна же полковника Ильинича сопровождала вьюки авангарда. Достигнув на 5-й версте перевала Псеашха, генерал Н.П. Граббе дал войскам получасовой отдых и затем двинулся к спуску. Колонна полковника С.И. Нолькена, пройдя 20 верст от Псизипсинского поста, подошла к небольшой поляне на южном склоне, на хребте Псекохо, и расположилась здесь на ночлег. Войска полковника Ильинича имели ночлег в 4-х верстах позади первой колонны и присоединились к ней с рассветом следующего дня. Во время спуска отряда, по южному крутому склону, 10 лошадей сорвались с круч и расшиблись насмерть. К обеду отряд спустился к реке Ачипсе и расположился лагерем в долине *Ариум*², неподалеку от места слияния р. Ачипсе и р. Лаура. Через несколько дней отряды Мало-Лабинский, Даховский, Ахчипсхувский и Псхувский соединились в единое войско на большой поляне в урочище Кбаада, а 21 мая 1864 г. было провозглашено окончание Кавказской войны.

Спустя четверть века старая военная тропа, разработанная войсками генерала Н.П. Граббе, заросла и стала чуть видна, так как все это время по ней было просто некому ходить. Извилистую реку Уруштен охотничьему отряду пришлось переезжать раз 6–7, пока, наконец, он не выбрался на явную тропу, шедшую вдоль орографически левого берега реки. По пути охотники повстречали лесников с объездчиками, которые объявили, что лесная стража на днях поймала несколько человек черкесов, браконьеров, приехавших из-за перевала сюда на охоту, и составила протокол. Великие Князья наградили лесников деньгами и продолжили путь далее. Дорога пошла через густые заросли, так что всадникам приходилось все время нагибаться, чтобы пробраться сквозь нависшие ветви. Часто перерезали ее ручьи с водопадами и потоки, чрез которые едва могли перебраться кони. Около одной балки охотник Чепурнов обратил внимание охотников на её расположение и рассказал, что по этой теснине, бывшей в вертикальном положении относительно основной тропы, все деревья избиты русскими пулями и что черкесы еще до сих пор вырубают их из деревьев себе для охоты. *«Во время войны, — поведал Чепурнов, — в этой теснине засели черкесы*

¹ Псизипсинский военный пост располагался в районе современного лагеря Холодного.

² На пятиверстной карте Кавказа, изданной в 1877 г., это место обозначено как *«поляна Агерюита»*.

и, пропустив русские войска, стали поражать их. Наши отвечали, но так как черкесы были за скалами и за деревьями, то пули наших застревали в деревьях, мало причиняя вреда горцам. За этой тесниной будто есть большое плато, где были собраны все силы горцев. Вот туда-то в обход и были направлены русские войска, откуда и выбили горцев» (Андреевский, 1909).

Вскоре охотники вышли на перевал Псеашха, где им открылась дивная картина. *«Перед нами была огромная скала, — писал М.В. Андреевский, — покрытая снегом, из-под которого начинался ручеек. Здесь водораздел. Несмотря на то, что мы были порядком утомлены, все же все подбодрились. Живо разбили лагерь, перекусили и решили разбиться на небольшие партии и идти в скалы на охоту. Я поехал в дальние скалы с Чепурновым и Беспрозванным, видел 2-х небольших горных медведей, но так далеко, что к ним нельзя было подобраться, и выстрелил раз тоже далеко по гемзе, да мимо. Затем так как солнце стало садиться, то я и заторопился домой, и еще успел снять фотографией, как наш бивуак, так и снеговую гору. Все уже были в сборе и все без добычи» (Андреевский, 1909).* В этот вечер только черкес Ченчхач застрелил медвежонка.

Ранним утром отряд продолжил путь. На месте лагеря оставили несколько казаков и лошадей, лишний груз и палатки, так как дальше уже можно было ночевать в поселках. Преодолев перевал Псеашха, отряд подъехал к истокам р. Бзерпи, откуда уже было видно домики Красной Поляны.

Тропа на южном склоне Главного хребта пролежала между скалами и так узко, что приходилось развязывать вьюки и сходить с коней. Охотникам пришлось вести коней в поводу. Когда на спуске все в очередной раз сели отдохнуть, М.В. Андреевский взял с собой повара и казака и поехал вперед в качестве квартирмейстера. В эстонском поселении отряд уже ждали с хлебом, солью, с цветами и устроенными из цветов и листьев воротами. Встретили всей школой и школьным учителем во главе. В Красной Поляне охотники посетили новую деревянную церковь, в которой поблагодарили Бога за благополучный поход — ведь, по сути, это была не охота, а настоящий поход со всеми присущими ему трудностями пути.

Из Красной Поляны охотники переместились в Сочи, где переночевали в имении М.А. Краевского. На утро Краевский организовал для князей охоту загоном в окрестностях города, во время которой удалось застрелить одну косяку. После этой охоты Великие Князья и М.В. Андреевский отплыли на пароходе «Цесаревна» в Новороссийск, из которого поездом добрались до Санкт-Петербурга.

Так завершилась Кубанская охота 1888 года. Её итоги оказались более чем скромными: убиты были 1 тур, 11 серн, 1 олень, 1 красный козел (косяка) и 2 медведя. Однако Великие Князья смогли лично убедиться в невероятном обилии дичи в пройденных ими горах. Вместе с тем они ознакомились и со всеми трудностями охоты в горных дебрях, заключавшихся, главным образом, в отсутствии сносных путей сообщения. Убедившись на собственном опыте в некоторых недостатках организации охоты, князья наметили обширную программу основательного устройства Кубанской охоты. Но судьба не позволила им воспользоваться еще раз результатами значительных затрат и хлопот по этому предмету: тяжелая и продолжительная болезнь Великого Князя Георгия Михайловича, перенесенная им в том же 1888 г., послужила первым препятствием к осуществлению их обширных замыслов. Осенью следующего 1889 г. заболел Великий Князь Петр Николаевич и по состоянию своего здоровья

был вынужден впредь, за исключением одного-двух летних месяцев, жить за границей.

Тем не менее Кубанская охота не была брошена Их Высочествами до тех пор, пока в 1892 г. право пользования ею не было приобретено Великим Князем Сергеем Михайловичем, родным братом Георгия Михайловича. В 1893 г. Великий Князь в первый раз охотился в Кубанской области в продолжение восемнадцати дней, с 20 августа по 7 сентября. Сопровождали Великого Князя на этой охоте граф Д.С. Шереметев, князь К.А. Барятинский, лесной ревизор К.Т. Улагай, казачий подполковник И.Л. Венеровский, управляющий охотой М.Ф. Носко и доктор М.А. Каландаришвили. Атаман Андриюковской станицы А.А. Павлов заведовал отрядами казаков и обеспечивал отряд лошадьми. За все время охоты было убито 11 серн, 1 олень, 1 красный козел, 1 медведь, 2 свиньи, горная индейка и орел. Потрясающие впечатления, вынесенные Великим Князем с Кубанской охоты, обеспечили дальнейшее ее развитие.

Общий же итог убитой за 15 лет охоты дичи выглядит следующим образом:

Таблица 2

Список дичи, убитой за время проведения Кубанской охоты с 1888 по 1902 гг.

	Олень	Серна	Тур	Зубр	Медведь	Кабан	Горная индейка	Кавказский тетерев	Общее количество убитой дичи
1888	1	16	2	—	4	—	—	—	23
1893	1	11	—	—	1	2	1	—	16
1894	9	11	3	—	1	2	—	1	27
1895	7	19	5	2	5	1	2	—	41
1897	16	34	3	3	2	—	1	1	60
1898	26	36	5	1	—	1	—	6	75
1900	40	43	6	2	1	2	1	7	102
1902	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	100	170	24	8	14	8	5	15	344

III. ЗНАЧЕНИЕ КУБАНСКОЙ ОХОТЫ В СОЗДАНИИ КАВКАЗСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Документальных свидетельств, описывающих охоты Великого Князя после 1902 года, увы, не сохранилось. Однако можно предположить, что и в этот период охоты проводились Великим Князем нерегулярно. Причинами для этого служили большая занятость самого князя, а также волнения 1905 г., прокатившиеся по всей России. В Псебае же во время этих волнений даже был разграблен охотничий дом Великого Князя.

С 1 по 12 декабря 1906 г. в Екатеринодаре прошел съезд уполномоченных станичных обществ по наделению земельными наделами казаков из войскового земельного фонда, получивший название Кубанская казачья Рада¹. Председа-

¹ При заселении Кубани, начиная с 1792 года, только Войско Черноморское, бывшее Запорожское, получило землю на Кубани как целое Войско. Заселение всей старой Линии (правый берег Кубани от верховьев до Усть-Лабинска) и новой Линии (между Кубанью и Лабой, собственно, правый берег Лабы) произведено было полками. Здесь землей владели полки, а не целое войско, как было у Войска Черноморского, вследствие чего земли Войска Черноморского составляли

тельствовавал на заседании Рады известный историк, экономист, статистик и общественный деятель Федор Щербина (1849–1936). На этот съезд делегировалось по два выборных представителя от каждой станицы. В числе прочих решений, Рада постановила разделить район Кубанской охоты по истечении срока великокняжеской охоты на участки и отдать их в наделы 135 станицам. Это постановление было утверждено императором 16 февраля 1907 г., когда вышло соответствующее высочайшее Положение, по которому часть запасных земель предоставлялась в распоряжение станиц, нуждающихся в увеличении наделов, а малоземельным станицам Закубанья разрешено частично переселиться в свободные Кугаейские степи.

В 1909 г. истек срок аренды княжеских охотничьих угодий в междуречье Белой и Большой Лабы, и юридически в этом году Кубанская охота перестала существовать. Однако штат егерей продолжил выполнять свои функции, правда, уже не в том объеме, что раньше. До начала Первой мировой войны Великий Князь по собственной воле продолжал выплачивать егерям небольшое жалованье, однако существенно повлиять на разгул браконьеров из близлежащих станиц и поселков егеря уже не могли юридически. Кстати, в дальнейшем многие егеря, служившие в Кубанской охоте, поступили на службу во вновь учрежденный Кавказский заповедник. Горы были их домом, а богатый охотничий опыт и глубокое знание местности позволяли им весьма успешно бороться с браконьерством, охранять заповедные границы и сопровождать в качестве проводников многочисленные научные экспедиции.

История Кубанской охоты неразрывно связана с историей создания Кавказского заповедника. С 1909 г. в научных кругах все чаще стали говорить о необходимости защиты и сохранения кавказского зубра, который с окончанием Кубанской охоты остался без охраны. Научная общественность давно уже считала, что было бы крайне желательно сохранить в неприкосновенности этот участок природы Северо-Западного Кавказа с его девственной растительностью и наиболее богатой во всем Кавказе фауной. Кубанская охота, имевшая по сути статус заказника, охраняемого от посягательств браконьеров опытными егерями, создавала великолепные условия для размножения зубров и других животных в пределах своей территории. Благодаря бдительной охране и высоким штрафам за убой зверя браконьерство на территории Кубанской охоты было

сплошную Войсковую территорию, Войсковые же земли на Старой и Новой Линии и в Закубанье такой сплошной территории из себя не представляли и были разорваны землями казенными, сельскими и т. д. К началу XX столетия многие станицы Кубани уже переживали земельный голод. Вследствие этого в 1906 г. была создана Кубанская Войсковая Рада для разрешения земельного вопроса. На этой Раде обнаружилось, что Войско Кубанское, образовавшееся из объединения в 1860 г. Войска Черноморского с частью Войска Линейного и из присоединенного к Кубанскому Войску в 1861–1864 годах Закубанья, не является сплоченным монолитом, могущим легко решать сложные спорные вопросы. С очень большим трудом удалось тогда найти способ разрешения земельного голода во многих казачьих станицах Кубани: Войско Черноморское согласилось уступить часть своих запасных земель для наделения малоземельных станиц, а у многих станиц Старой и Новой Линии и Закубанья, получивших душевые наделы больше нормы при юртовом размежевании станиц в 1872–1873 годах, была урезана часть земли юртовой для надела малоземельных станиц. И бывшее Войско Черноморское и станицы Старой и Новой Линии и Закубанья, взамен вырезанных у них земель для наделения малоземельных станиц, получили в горах Кубани участки земли, покрытой лесами. Причем, станицы бывшего Войска Черноморского взяли наделенную им в горах землю и приступили к её эксплуатации, станицы же Старой и Новой Линии и Закубанья от наделенной для них в горах земли отказались. Однако у них были вырезаны лишние земли согласно общему соглашению между казаками, достигнутому на Войсковой Раде в 1906 году, и розданы малоземельным станицам.

сведено до минимума¹. Таким образом, Кубанская охота являлась важнейшим и единственным на протяжении двадцати лет своего существования институтом, сдерживающим безрассудное и безудержное браконьерство местных жителей, которое приняло поистине огромные размеры после окончания охоты в 1910–1920-е гг².

Строго говоря, именно *сохранение зубров* являлось одной из главнейших задач управления арендованными для Кубанской охоты землями. Энтомолог Кавказского заповедника П.И. Слещевский, цитируя одну из немецких статей, отмечал: «*Управляющий охотой Э.К. Ютнер, австрийский лесничий, пользуясь приобретенным на родине опытом, организовал целесообразную охрану зубра. В течение более чем 25-летней службы у Великого Князя ему удалось увеличить число зубров на 200 с лишним голов*». И далее: «*В 1909 г., когда я в первый раз посетил Ютнера на месте его службы в маленьком живописном курорте Закавказья Боржоме, он с гордостью сообщил мне, что его зубровое стадо достигло приличного количества, круглым счетом 600 штук*» (Слещевский, 1926).

Несмотря на успешные результаты в деле сохранения конкретного вида, в истории Кубанской охоты встречаются примеры и нерационального природопользования. Для обеспечения количественного роста копытных на территории Кубанской охоты была объявлена безжалостная война хищникам: волкам, медведям и леопардам. Егеря, служившие в охоте, весьма охотно пользовались своим правом стрелять хищных зверей и диких кабанов (охота на туров, серн, оленей и зубров была им запрещена). Руководство охоты учредило специальные премии за головы хищников — медведя и леопарда, что также приводило к их активному истреблению со стороны егерей³. Помимо этого, егеря осуществляли интенсивный промысел куниц, что также приводило к быстрому сокращению их численности. Таким образом, урон, нанесенный популяциям медведя и кавказского леопарда за период существования охоты, можно считать существенным. При этом следует признать, что при отсутствии Кубанской охоты этот урон был бы значительно больше. На этом фоне создание Кавказского заповедника, по мнению многих прогрессивных защитников природы того времени, явилось бы весьма своевременной мерой, призванной сохранить имеющееся биологическое разнообразие Западного Кавказа.

В заключение следует отметить, что следы влияния Кубанской охоты до сих пор сохраняются в Кавказском заповеднике благодаря проведению большого количества троп и устройству лагерей, также большей частью расположенных в местах прошлых горских поселений. К ним и сегодня приурочены современные кордоны Кавказского заповедника и места расположения домиков, лагерей и других временных убежищ. Удобными княжескими тропами пользуются и в

¹ Общая сумма штрафа за убой какого-либо зверя в пределах Кубанской охоты составляла около 100 рублей (в эту сумму входил и штраф за пребывание с оружием в пределах охоты). Убой же зубра карался значительно большей суммой (Туров, 1928).

² После 1909 г. браконьеры, по воспоминаниям современников, сделались такими смелыми и дерзкими, что почти перестали обращать внимание как на лесную стражу, так и на егерей, оберегающих дичь, и иногда целыми толпами отправлялись в леса на охоту. Зубров они убивали для того только, чтобы убить, и трупы их бросали на съедение хищным зверям. Началась передача в аренду под устройство зимовок и хуторов массы полей в долинах горных рек вблизи их верховьев, а также вообще в нижнем поясе гор, т.е. в таких местах, куда зубры и другая горная дичь спускались в снежные зимы.

³ Так, например, по словам егеря Кубанской охоты Ивана Крутенко, за несколько лет службы в охоте ему удалось убить около 300 медведей.

наше время. Тропы были настолько широкими, что по ним могла проехать подвода. А на некоторых старых деревьях можно до сих пор разглядеть зарубки, оставленные во время охоты Великого Князя.

ЛИТЕРАТУРА

- Азаренкова А.С., Бондарь И.Ю., Вертышева Н.С. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). – Краснодар, 1986.
- Алфераки С.Н. Автобиография охотника-натуралиста // Охотничьи просторы. № 3. 2000. С. 188–212.
- Андреевский М.В. Охотничьи записки и дневники. – М., 1909.
- Башкиров И.В. Кавказский зубр // Кавказский зубр. – М., 1939. С. 3–72.
- Богуславский Л.А. История Апшеронского полка. Т. II. – С.-Пб., 1909.
- Динник Н.Я. Верховья Малой Лабы и Мзымты // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества, 1902, кн. 22, вып. 5.
- Динник Н.Я. Кубанская область в верховьях рек Уруштена и Белой // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества, 1897, кн. 19.
- Динник Н.Я. Рыси и пантеры в горах Западного Кавказа // Природа и охота, 1898, № 2.
- Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века. – М., 1976.
- Дьячков-Тарасов А.Н. Через перевал Псеашхо к Черному морю // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1902, т. 31. С. 123–139.
- Кавказский календарь на 1917 год. – Тифлис, 1916.
- Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Середина XVI – начало XX вв. – Нальчик, 2006.
- Калиновский А.А. Охоты Кавказа. – С.-Пб., 1900.
- Краткий Ф.И. Восемнадцать дней на охоте // Природа и охота. – М., 1894. № 12. С. 23–52.
- Лавров Л.И. Абазины. Историко-этнографический очерк // Кавказский этнографический сборник. – М., 1955. Т. 26. С. 5–47.
- Оленич-Гнененко А.П. В горах Кавказа. – М., 1949.
- Полное собрание законов Российской империи. Год 1889. Том 9, № 6481, С. 683.
- Полное собрание законов Российской империи. Год 1907. Том 27. № 28887. С. 72.
- Слащевский П.И. История последних дней кавказского зубра // Архив Кавказского государственного заповедника. Инв. № 153. – Майкоп, 1928.
- Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М., 1864.
- Туров С.С. Материалы к познанию фауны Кавказского заповедника. Часть I. Млекопитающие // Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов. – Ростов-на-Дону, 1928. № 45. Вып. 2. С. 3–39.
- Шильдер В.А. Кубанская охота Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Михайловича в 1894 г. // Природа и охота. – М., 1895. № 5. С. 1–18; № 7. С. 1–38; № 8. С. 1–55.
- Шильдер В.А. Кубанская охота Е. И. В. Великого Князя Сергея Михайловича в 1895 г. // Природа и охота. – М., 1897. № 7. С. 114–144; № 8, С. 1–33; 1899, № 1. С. 1–49.
- Шильдер В.А. Кубанская охота Е. И. В. Великого князя Сергея Михайловича в 1898 г. // Природа и охота. – М., 1901, № 5, м. 1–28; № 6, м. 1–29; № 7. С. 1–13; № 12. С. 1–26.
- Шильдер В.А. Кубанская охота Е. И. В. Великого князя Сергея Михайловича в 1900 г. // Природа и охота. – М., 1902, № 1. С. 1–15; № 2. С. 1–16; № 3. С. 1–14; № 4. С. 1–6; № 5. С. 1–8; № 6. С. 3–12; № 7. С. 1–12; № 8. С. 1–9; № 9. С. 1–6; № 10. С. 1–6; № 11. С. 1–5, № 12. С. 1–4.
- Demidov E. P. Hunting trips in the Caucasus. – London, 1898.
- Littledale St.G. Caucasian aurochs // The Badminton library. Big game shooting. – London, 1894, vol. 2, p. 65–72.